

THESIS REVIEW:-

THE BUDDHIST FACTOR IN THE POLITICAL AND THE ETHNIC HISTORY OF THE OIRATS (MIDDLE OF XV CENTURY – 1771)

Baatr U. Kitinov

Dissertation for degree of the Doctor of Sciences,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

This dissertation focuses on the historical role of Buddhism among the Oirat (Dzungars, Koshots and Kalmyks) during the stated period and has been read in English translation by this reviewer.

As the author rightly observes, consideration of religious factors in Oirat (and wider Central Asian) history has been greatly neglected (by historians the world over) for reasons that need not detain us here. What is important is that this dissertation places the Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats at the centre of enquiry, an essential step towards a proper scientific understanding of the historical processes in the Eurasian steppe in the Middle Ages. The dissertation thus recognises the fundamental "traditional" Buddhist basis of social and legislative initiatives that governed both Oirat society and ethnic groupings, as well as the foreign relations of Oirat political formulations.

The timeframe here is from the middle of the 15th century (when Buddhism was first taken as a "state" religion by an Oirat confederation), through to 1771. This period covers three Oirat confederations, a convenient periodization tempered by recognition of the shifting ethnic compositions of the confederations. Analysis of the "rules of the normative order" formed through the interaction with Tibet and Tibetan Buddhism demonstrates that this system derives from 1640s promulgation and governed inter-Oirat relations, thus forming a common basis of conceptual understanding across polities. The teachings of the Gelukpa order of Tibetan Buddhism spread throughout the Oirat states, with the ruling elites of those states demonstrating through various means – including the use of force - their support for the Geluk school.

The bibliographical survey of the dissertation indicates the truly impressive range of sources used, which clearly emerges in the broad narrative. Sources used range from the medieval to the modern and there are, to my knowledge, no major omissions given the author's theoretical and methodological approach. Qing, Western and Eastern European, Mongol, Turkic-Persian, and Tibetan sources have all been consulted at least in translation, and of particular note is the author's utilisation of the *Prajñāpāramitā* ("Perfection of Wisdom") *sutras*, fundamental Mahāyāna Buddhist teachings that were particularly popular among the Oirat. The author demonstrates that these sutras provided a conception of power and gave ideological support for state formation which might be deployed in the service of Buddhism and Buddhist formations. This is an original conclusion that will be of wider interest to both regional historians and Buddhologists. With recent studies demonstrating similar qualities in other Indic texts such as the *Kālachakratantra* and the *Cakrasaṃvaratantra*, the study of pre-modern state formation in the Buddhist world is given new avenues of enquiry.

Within a narrative framework, the author adopts a structuralist approach that establishes and analyses long-term tendencies and on-going processes in Oirat society, situating this work as being of particular relevance to the wider fields of Central Asian history, the history of Empires, and indeed World History. In that it situates a religion, in this case Buddhism, at the centre of enquiry and clearly demonstrates its centrality not only to Oirat identity, but also to historical processes in the region, this work provides a balance to the predominance of political and economic or at least material histories that have (along with Chinggis Khaan-centred works) dominated studies of this region, as well as being a corrective to the more popular "Silk Road" studies that focus on European perspectives and understandings. It is thus an important contribution to the field.

In a period in which Buddhism was becoming a defining indicator of Oirat identity, due weight is also given to the desire of the Oirat leaders to obtain imperial recognition of their status through the grant of Chinese titles as the Qing Empire gradually subordinated much of the traditional Oirat realms. The importance of Lhasa as the Tibetan centre and home of the Dalai Lama, as well as the Tibetans' own evolving relationship with the Qing is obviously of major significance in this work, with the complexities of the 17th century contestation between the various powers situated in the wider context. This work thus contributes to our understanding of the tripartite relationship, a subject of considerable current interest in Central Asian studies (with the bibliography noting several valuable contributions in recent years).

As demonstrated here, the Oirat involvement with Tibet led to the development of the Dzungar, Khoshut and Kalmyk Khanates with their ethno-political formulations transforming into the *uluses* in the early 18th century. This process of forming bounded communities only intensified, despite shared Buddhist structures and beliefs that themselves took on local aspects. As pointed out here, however, those Buddhist forms adopted did not, among the Dzungars and Kalmyks, include the incarnation system that could be, and was, manipulated by the Qing dynasty in Tibet and in what became Outer Mongolia. This distinction, previously neglected by scholarship, is demonstrably significant in terms of its historical consequences, and opens up an interesting contrast that should stimulate further enquiries; between those Tibetan-Buddhist societies led by an incarnation (Tibet, Mongolia), recognising incarnations as religious heads (Bhutan, Sikkim, Mustang), and those that did not take on this system yet sought recognition in the form of titles (e.g.; *khan*) from the Dalai Lama, and somewhat later, also from Tsarist Russia. The latter, unlike the Qing, did not possess religious instruments for influencing the Kalmyks, yet later supported their elites through secular formulations and recognitions of religious and traditional status.

This dissertation is thus a well-balanced and thoroughly researched work that is a valuable contribution to the history of Central Asia, and it contains much that will doubtless appear in published form(s) in due course. It suggests a number of avenues for future enquiry developing the thesis here and the author's active publication record indicates that these will be developed and disseminated to the wider academic community.

Professor Alexander C. McKay PhD [S.O.A.S].

Retired former research fellow and lecturer (Department of History) London University School of Oriental and African Studies; University College London (Wellcome Trust Centre for the History of Medicine); The International Institute for Asian Studies, Leiden, The Netherlands; Namgyal Institute of Tibetology, Gangtok, Sikkim, India; Visiting Fellow, Australian National University.

Dungog@hotmail.com

 23/07/2020

Рецензия на автореферат

«Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина 15 в. – 1771 г.)»

Автор – Баатр У. Китинов

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.
Институт востоковедения РАН

Диссертация фокусируется на исторической роли буддизма среди ойратов (джунгаров, хошутов и калмыков) в течении указанного периода и его автореферат был прочтен рецензентом в переводе на английский.

Как верно замечает автор, рассмотрение религиозных факторов в ойратской (и шире – центрально-азиатской) истории в значительной степени было упущено (историками из любой страны) по причинам, которые не должны задерживать нас сейчас. Важно то, что эта диссертация помещает буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов в центр исследования – существенный шаг в сторону соответствующего научного понимания исторических процессов в евразийской степи в средние века. Таким образом, диссертация признает фундаментальную «традиционную» буддийскую основу социальных и законодательных инициатив, которые влияли на ойратское общество и этнические группирования, так же, как и на международные отношения ойратских политических объединений.

Период времени – с середины 15 в. (когда буддизм был впервые воспринят «государственной» религией ойратской конфедерацией), и до 1771 г. Этот период покрывает три ойратские конфедерации, и это удобная периодизация, которая закрепляется признанием изменявшихся этнических составов конфедераций. Анализ «правил нормативного порядка», созданных через взаимодействие с Тибетом и тибетским буддизмом, показывает, что эта система (правил) произошла из распространения законов 1640 г. и руководила межойратскими отношениями, тем самым формируя, сквозь политики, общую основу ее концептуального понимания. Учения школы Гелукпа тибетского буддизма распространялись во всех государствах ойратов, когда правящая элита тех государств демонстрировала различными средствами – в том числе использованием силы – свою поддержку Гелук.

Библиографический обзор диссертации показывает действительно впечатляющий диапазон использованных источников, который ясно проявляется в широком повествовании. Эти источники варьируются от

средневековых до современных и, на мой взгляд, нет никаких важных упущений в теоретическом и методологическом подходе автора. Цинские, западно- и восточно-европейские, монгольские, тюрко-персидские и тибетские источники – все они были приняты во внимание, по меньшей мере, в переводе, и особо следует заметить использование автором сутр Праджня-парамиты («Совершенства мудрости»), фундаментальных учений буддизма махаяны, которые были особенно популярны среди ойратов. Автор показывает, что эти сутры предоставили концепцию власти и дали идеологическую поддержку формированию государства, что могло быть применено на службу буддизму и его производным. Таково оригинальное заключение, которое будет наиболее интересно историкам-регионоведам и буддологам. Наряду с недавними исследованиями, которые продемонстрировали подобные качества в других индийских текстах, таких как Калачакра-тантра и Чакра-самвара-тантра, изучение образования в буддийском мире до-современного государства дает новые возможности исследования.

В своей повествовательной структуре автор использует структуралистский подход, благодаря чему определяет и анализирует долгосрочные тенденции и текущие процессы в ойратском обществе, что позволяет обозначить эту работу как имеющую особое отношение к более широкому полю истории Центральной Азии, истории империй, и, безусловно, всемирной истории. В ней он помещает религию, в данном случае буддизм, в центр исследования и ясно демонстрирует его центральность не только в применении к ойратской идентичности, но также к историческому процессу в регионе; таким образом, эта работа обеспечивает баланс исследованиям политическим, экономическим, а также посвященным материальной истории, которые (включая и работы по Чингис-ханской тематике) преобладают в изучении данного региона, а также корректирует более популярные исследования по Шелковому пути, сфокусированные на европейских представлениях и пониманиях. Таков важный вклад в данную сферу.

В период, когда буддизм становился определяющим индикатором ойратской идентичности, должную весомость получало желание ойратских лидеров достичь имперского признания своего статуса путем обретения китайских титулов, поскольку Цинская империя постепенно подчиняла большинство традиционных ойратских территорий. Показ важности Лхасы как тибетского центра и дома Далай-ламы, а также развития тибетцами собственных отношений с Цин является, определенно, одной из наиболее важных достижений этой работы, при этом следует принять во внимание сложности 17 века, заключавшиеся в борьбе между различными силами в более широком контексте. Таким образом, эта работа вносит вклад в наше понимание трехсторонних отношений, что является предметом значительного

нынешнего интереса к центрально-азиатским исследованиям (в списке литературы отмечены несколько ценных изданий последних лет).

Показано, что вовлечение ойратов в тибетские дела вело к развитию Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств, и далее к преобразованию их этно-политических объединений в улусы в начале 18 в. Этот процесс формирования связанных сообществ интенсифицировался, несмотря на то, что воспринимаемые ими буддийские структуры и верования сами приняли локальные особенности. Как отмечено в работе, буддийские модели, воспринятые джунгарами и калмыками, не включали систему инкарнаций, которая могла быть (и была) использована Цинской династией в Тибете и во Внешней Монголии. Это различие, ранее пренебрегавшееся в науке, демонстративно значимо в понятиях его исторических последствий, и вскрывает интересный контраст, который будет стимулировать дальнейшие исследования: между теми тибето-буддийскими обществами, которые возглавлялись инкарнацией (Тибет, Монголия), которые признают инкарнации как религиозных лидеров (Бутан, Сикким, Мустанг), и теми, которые не восприняли эту систему, но искали признания в форме титулов (например, «хана») от Далай-ламы, и несколько позже от царской России. Последняя, в отличие от Цин, не обладала религиозными инструментами для влияния на калмыков, хотя позже поддерживала их элиту путем светских обращений и признанием религиозного и традиционного статусов.

Таким образом, эта диссертация – хорошо сбалансированное, тщательно проведенное научное исследование, являющееся ценным вкладом в историю Центральной Азии, и содержит много того, что, безусловно, должно быть опубликовано. Работа предлагает ряд новых идей для будущих изысканий, которые будут их развивать, и активная публикационная деятельность автора показывает, что все они будут развиты и распространены в более широком академическом сообществе.

Профессор Александр Маккей, бывший научный сотрудник и лектор Лондонской школы восточных и африканских исследований (SOAS), Лондонского университета Колледж (Велкомтраст центр истории медицины), Международного института азиатских исследований в Лейдене (Нидерланды), Намгьялского института тибетских исследований в Гангтоке (Сикким, Индия), Приглашенный исследователь Национального университета Австралии.